

ИЗУЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ П.Н. ТКАЧЕВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1980-х – НАЧАЛА 1990-х гг.

Рассматриваются оценки социально-политических взглядов П.Н. Ткачева в отечественной исторической науке 1980-х – начала 1990-х гг. Делается вывод о трудности изживания стереотипного восприятия учения и личности Ткачева и о постепенном изменении взгляда на роль и место этого мыслителя в русском революционном движении во второй половине 1980-х гг. в период демократизации советской государственной системы.

Ключевые слова: революционная теория; народничество; русский бланкизм.

Революционно-теоретическое наследие Петра Никитича Ткачева всегда находилось в той или иной степени в поле зрения советской исторической науки. Не стало исключением и последнее десятилетие ее существования. Начало 1980-х гг. ознаменовалось выходом в свет в издательстве «Мысль» монографии Б.М. Шахматова. Книга посвящалась философским и социологическим взглядам П.Н. Ткачева, проблемные вопросы его революционной теории обходились стороной. Однако эта работа заслуживает внимания, так как философское наследие Ткачева представлено здесь в полном объеме и хорошо показано его место в ряду других мыслителей пореформенного периода. Б.М. Шахматов отмечает, что Петр Никитич был одним из тех, кто адекватно оценивал социально-экономическую ситуацию в стране. В этом ему помог метод экономического детерминизма. Однако признание ключевых положений марксовской экономической теории не сделало Ткачева марксистом, поскольку его восприятие марксизма было обильно сдобрено философией утилитаризма [1. С. 83]. На протяжении всего исследования автор рисует настоящий образ Ткачева-мыслителя, с достоинствами и недостатками, в изящной, порой чрезмерно полемичной и язвительной форме, опровергая накопившийся за десятилетия воз мифологем и штампов. Однако «ахиллесова пята» марксистско-ленинской методологии и здесь сыграла свою негативную роль.

Это касается как традиционно негативного отношения к западной историографии и призывов к разоблачению фальсификаций, так и отрицания каких-либо параллелей между марксизмом и народничеством. Например, Б.М. Шахматов приводит идентичные цитаты Ткачева из «Роли мысли в истории» и Ленина из «Что такое “друзья народа”...» о роли личности и исторической закономерности. Автор признает, что Ткачев и Ленин «в данном вопросе говорят почти одно и то же, иногда даже в сходных выражениях» [1. С. 206]. Но тут же следует пояснение в том духе, что и Ткачев, и Ленин излагали «аксиомы детерминизма, которые перешли еще от домарковского материализма» [1. С. 207]. Хотя, как нам представляется, это была необходимая мера предосторожности для прохождения книги через жесткий цензурный контроль, так как книга должна была выйти в издательстве, которое курировала Академия общественных наук при ЦК КПСС.

Монография Б.М. Шахматова получила положительные отзывы в научных кругах и, казалось бы, должна была придать дополнительный импульс интереса к Ткачеву-мыслителю и политическому деятелю. Но этого не произошло. Выводы работы об оригинальности мировоззрения Ткачева игнорировались, по-

скольку легче было оперировать старыми, избитыми фразами. Увлечение Ткачева марксизмом трактовалось как «кратковременное недоразумение» [2. С. 117], его политические взгляды назывались «профанацией учения основоположников революционного народничества» [3. С. 39], которые наносили «огромный вред освободительной борьбе прогрессивных сил России» [4. С. 106].

Позитивные изменения наметились лишь с началом перестройки. В этом плане следует отметить главу Н.С. Федоркина в коллективной монографии по истории утопического социализма в России. Автор называет множество верных, на его взгляд, положений в революционной теории Ткачева: 1) Петр Никитич был первым народником, обозначившим проблему использования революционного государства, его функций в переходный период в целях построения социализма; 2) одним из первых публично объявил себя сторонником исторического материализма; 3) верно оценивал социально-экономические отношения пореформенной России; 4) лучше других народников понимал экономические процессы, происходившие в русской деревне; 5) убедительно говорил о том, что революционное меньшинство может изменить ход российской истории; 6) объективно отразил в своей концепции революции реальное положение в русском освободительном движении; 7) поставил вопрос о необходимости создания настоящей революционной партии [5. С. 213–239]. И хотя все указанные положительные моменты сопровождались различными оговорками об «утопическом социализме» и «историческом идеализме», они не могли скрыть главного – автор не видел в учении Ткачева грехопадения, намечал новые пути для его изучения и призывал обратить на него пристальное внимание.

Свою лепту в этот процесс внес Р.Н. Блюм. Автор подчеркнул тесную связь между ткачевизмом и народничеством и выразил недоумение по поводу существующей традиции приуменьшать влияние Ткачева на «Народную волну», «как будто его влияние накладывает тень на народничество» [6. С. 209]. «Революционным авантюризмом» назвал ткачевскую программу М.Д. Карпачев, но тут же заявил, что «логика самого движения, опыт борьбы, в конце концов, привели революционеров к принятию многих принципиальных положений Ткачева: о жизненной важности создания сплоченной организации, о необходимости ведения политической борьбы, о создании революционного государства» [7. С. 112–113]. На реалистичность решения Ткачевым национального вопроса обратила внимание В.М. Хевролина [8. С. 168].

Таким образом, начало перестройки, когда нельзя еще было сомневаться в марксистско-ленинской кон-

цепции, но уже можно было критически относиться к отдельным ее положениям и «искажениям», принесло позитивные сдвиги в осмысление социально-политических взглядов Ткачева. Их оценки в некоторых работах стали более вдумчивыми и взвешенными. Упор делался не на минусы и просчеты, а в первую очередь на достоинства. Ситуация напоминала период «оттепели». Вопрос стоял о том, насколько исследователи могли отказаться от идеологических догм и самоцензуры и не утратили способности к научной рефлексии. Об этом свидетельствуют работы, где Ткачев по-прежнему характеризовался как «мыслитель-народник», неспособный прочертить «достаточно четкую границу между иллюзиями и действительностью» [9. С. 46], личность которого бросает тень на «успехи Коммунистической партии в деле строительства социализма и коммунизма в СССР» [10. С. 123].

Однако несмотря на подобные высказывания, корнями уходящие в «Краткий курс», было очевидно, что перемены неизбежны. Иносказательность уже не могла удовлетворить научную общественность. Настала пора прямо сказать о том, какую роль сыграла революционная теория Ткачева в истории русского революционного движения, тем самым признав справедливость выводов западных «фальсификаторов». Первым решился на это экономист А.В. Аникин. Он призвал по-новому посмотреть на идеи Ткачева, потому что «из идей и действий людей, которые казались чудачками-одиночками, выросло движение, изменившее в XX в. лицо мира» [11. С. 306].

Эту мысль подхватил С.Е. Дейцев, констатировавший, что «идеи Ткачева, касающиеся теории политики и принципов деятельности революционной партии, широко использовались последующими поколениями революционеров...» [12. С. 132]. Автор характеризовал Петра Никитича как народника, изверившегося во многих народнических истинах, и отдавал ему пальму первенства среди отечественных и зарубежных мыслителей в понимании сущности государства. В конце статьи С.Е. Дейцев осторожно говорил о возможной правоте западных историков, усматривавших тесное родство между ткачевизмом и большевизмом, так и не решившись на прямое сопоставление. За него это сделал А.Ю. Минаков. Правда, на первый план выводилась фигура С.Г. Нечаева. Ткачев, по мнению автора, лишь занимался популяризацией его организационных взглядов, что, конечно же, не соответствует действительности. Но главное значение работы А.Ю. Минакова заключается в том, что впервые за последние 60 лет в советской историографии было заявлено: «Можно ли согласиться с теми исследователями 20-х годов, которые отмечали совпадение организационных принципов, развивавшихся Нечаевым и Ткачевым, с одной стороны, и большевиками – с другой? Да, можно! Мы со всей определенностью утверждаем, что в данном случае Ленин и большевики сознательно следовали определенной организационной традиции, связанной в огромной степени с деятельностью Нечаева и Ткачева» [13. С. 60].

Однако не только с ленинизмом стали сопоставлять революционную теорию Ткачева. Еще Р.Н. Блюм в своих дневниковых записях размышлял о родстве ткачевизма и сталинизма. Сущностное и философское

противоречие ткачевизма, как и, позднее, сталинизма, философ видел в ложном сочетании «социального» и «политического». Ленин же не попадал у него в данную когорту и не оказывался в ряду Ткачева и Сталина. Подобная точка зрения была высказана в 1991 г. Р.А. Арслановым и В.Г. Джангирином. Ученые предположили, что бланкистская концепция Ткачева «типологически близка сталинизму» в вопросах роли революционного государства, отношения к народным массам и функций партии в процессе строительства социализма, и в этом суть искажения Сталиным марксистско-ленинского учения [14. С. 38]. Немаловажную роль в таком сравнении сыграла, думается, популярность сталинской тематики во второй половине 1980-х гг. Однако, несмотря на очевидные перемены в оценке революционной теории Ткачева на рубеже 1980–1990-х гг., «традиционный» подход, закрепленный волей официальной идеологии, уступать свои позиции не собирался. Так, в монографии А.Г. Айрапетова и А.И. Юдина хотя и признается, что Петр Никитич «чаще и настойчивее других идеологов революционного народничества обращался к экономическому принципу», но оговаривается, что экономический детерминизм был понят им метафизически [15. С. 185]. Система взглядов Ткачева была исторически ограничена, бесперспективна, субъективна и не соответствовала «реальной практике освободительного движения в России» [15. С. 194–195].

Еще одним примером подобного рода является произведение В.А. Малинина по истории русской социалистической мысли. Параграфы о Ткачеве написаны там небрежно, создается впечатление, что мимоходом. Об этом свидетельствуют многочисленные неточности. В.А. Малинин пишет, вопреки исторической действительности, что Ткачев был одним из членов нечаевской «Народной расправы», программными его работами считает открытые письма к П.Л. Лаврову и Ф. Энгельсу, изданные в 1930-е гг. произведения Ткачева автор называет «социально-реалистическими», а не «социально-политическими». Для В.А. Малинина Ткачев оставался слабым в теоретическом отношении «бланкистом-полуанархистом», не понявшим «исторически назревшей необходимости перехода к более открытым массовидным формам классовой борьбы, в которой решающее слово принадлежит народным массам» [16. С. 129].

Венцом размышлений о Ткачеве в перестроечную эпоху стала монография Е.Л. Рудницкой. По своему значению ее можно поставить в один ряд с книгой Б.П. Козьмина, изданной еще в 1922 г. Если работа Б.П. Козьмина открыла Ткачева для читающей аудитории, то исследование Е.Л. Рудницкой по-настоящему вернуло его в лоно объективного, идеологически незащоренного и непредвзятого анализа. Оба автора, каждый в свое время, задали направление и тон изучению творческого наследия Петра Никитича на многие годы вперед. Исследовательница отмечает парадоксальную ситуацию. Несмотря на то что изучение революционного народничества и его идеологии было магистральным направлением в исследовании русской общественной мысли второй половины XIX в., представление о Ткачеве в отечественной историографии остается размытым, до сих пор лишено четкости и о нем гораздо

меньше известно, чем, например, о Бакуanine и Лаврове. Причина кроется в идеологической неудобности фигуры русского бланкиста, которая не вписывалась в стандартные схемы. Его концепция социалистических преобразований наталкивала на «ненужные» параллели и аналогии, порождавшие сомнения и вопросы. Е.Л. Рудницкая соглашается с Б.М. Шахматовым в том, что Ткачев постарался преобразовать марксизм в духе утилитаризма, но добавляет, что проблему нравственности в революции и политике он решал «по-марксистски» [17. С. 66]. Обращаясь к сюжету полемики Ткачева с Энгельсом, автор занимает сторону народника, подчеркивает субъективизм немецкого социалиста, игнорирование им российской политической действительности. Петр Никитич, напротив, точно определил фундамент русской революционности и ее национальные особенности.

Много внимания Е.Л. Рудницкая уделяет социально-политическим взглядам Ткачева. Их детальный анализ привел автора к выводу об авторитарном характере ткачевской программы, где нет места народной демократии, суверенности личности. Она была направлена «на коммунистическое переустройство общества, несколько не соотносясь с его исходным социально-экономическим уровнем» [17. С. 135]. Это оттолкнуло от Ткачева народovolьцев, родственное ему направление, перенявшее от него концепцию непосредственного революционного действия. Характер размышлений Е.Л. Рудницкой, оценки, приводимые примеры постоянно подталкивают вдумчивого читателя к основополагающей идеи работы – тесной взаимосвязи ткачевизма и большевизма. Однако сам автор решается четко сформулировать это только в конце: «...бланкистская традиция оказалась сильна в большевизме. Она отчетливо выявила себя в момент захвата власти в Октябре 1917 года и в ее последующей реализации... Диктатура

партии, оттеснение народа как деятельной социальной и политической силы, насильственная ломка экономического строя народной жизни во имя абстрактной идеи, достижение высокой цели любой ценой – все это шло вполне по Ткачеву» [17. С. 209]. Если бы данный тезис прозвучал в начале книги, то, пожалуй, она читалась бы с большим интересом.

Таким образом, 1980-е гг. являются своеобразным переходным этапом в изучении революционной теории Ткачева в отечественной исторической науке. Первая половина прошла во многом под влиянием оценок предшествующего периода. Ткачев расценивался как малозначительный персонаж в когорте идеологов революционного народничества. Исключение составляли работы Б.М. Шахматова и Н.С. Федоркина. В них проводилась мысль о важности социально-политических взглядов Ткачева, их оригинальности и проницательности. Изменения стали происходить с началом перестройки. Историки постепенно освобождались от пут марксистско-ленинской догмы и смогли по-новому подойти к творческому наследию Петра Никитича. Показательна в этом отношении монография Е.Л. Рудницкой. Она завершала один этап и открывала новый. По сути, мысли, высказанные Е.Л. Рудницкой о генетическом родстве ткачевизма и большевизма, – это повторение выводов некоторых историков 1920-х гг. Тем самым оценки ткачевизма, сделав виток протяженностью в несколько десятилетий, вернулись к своим истокам. Работа Е.Л. Рудницкой обозначила круг проблем, по которым, главным образом, пошло рассмотрение революционной теории Ткачева в следующее десятилетие. Самой острой и актуальной среди них была проблема влияния Ткачева на ход русского революционного движения в целом и на появление большевистской концепции социалистических преобразований в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шахматов Б.М. П.Н. Ткачев: Этюды к творческому портрету. М., 1981.
2. Ильин В.В. Русские революционеры 60–70-х годов XIX века в жизни и литературе // Вопросы методологии историко-литературных исследований. Л., 1981.
3. Костин А.Ф. От утопии к науке. М., 1984.
4. Чеботарева В.И. Разоблачение Г.В. Плехановым субъективно-идеалистических взглядов народников по вопросу роли личности в истории // Из истории социалистических идей: методология анализа и проблема личности. Свердловск, 1984.
5. История русского утопического социализма XIX века / Под ред. Н.И. Бочкарева. М., 1985.
6. Блюм Р.Н. Поиски путей к свободе. Проблема революции в немарксистской общественной мысли XIX века. Таллин, 1985.
7. Карпачев М.Д. Очерки истории революционно-демократического движения в России (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). Воронеж, 1985.
8. Хевролина В.М. Революционные народники 70-х годов XIX в. и национально-освободительные движения (Методологические аспекты проблемы) // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. М., 1986.
9. Андреева И.Л. Проблемы научного познания в идейном наследии П.Н. Ткачева // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1987. № 3.
10. Овсянников А.А. П.Н. Ткачев и современность // Общественная мысль и классовая борьба в Центральных губерниях России во второй половине XIX века. Рязань, 1988.
11. Аникин А.В. Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990.
12. Дейцев С.Е. Ткачев как политический мыслитель // Советское государство и право. 1991. № 12.
13. Минаков А.Ю. Нечаев и... Ленин // Радуга. 1991. № 9.
14. Арсланов Р.А., Джангириян В.Г. Освободительное движение в России во второй половине XIX в. М., 1991.
15. Айрапетов А.Г., Юдин А.И. Западно-европейский и русский утопический социализм Нового времени. М., 1991.
16. Малинин В.А. История русского утопического социализма: Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1991.
17. Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 января 2011 г.